

МИЛА РЕБРОВА

Развод
**Я НЕ ПРИМУ
ВТОРУЮ**

Мила Реброва

Развод. Я не приму вторую!

«Автор»

2025

Реброва М.

Развод. Я не приму вторую! / М. Реброва — «Автор», 2025

— Ты... ты собираешься на ней жениться? — в полном шоке спрашиваю я. — Я мужчина, нам это дозволено, — с чувством собственной правоты заявляет муж. — И как ты себе это представляешь? — Всё останется по-прежнему, твоя жизнь никак не изменится. Я купил для неё квартиру, она будет... — Нет уж! — вдруг заявляю я. — Решил жениться? Приводи её сюда! Я достаточно жила с твоей семьёй, исполняя долг жены и невестки. Теперь пора и мне насладиться жизнью! Мой муж после двадцати лет брака решил взять вторую жену. Молодую и красивую. Решил, что после сорока жизнь только начинается и он имеет право... А на что имею право я? Может, хватит быть бесправной домохозяйкой и идеальной женой? Может, и мне пришло время пожить для себя? Главное — не думать о той боли, что тлеет внутри от предательства...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мила Реброва

Развод. Я не приму вторую!

Пролог

– Что это? – спрашиваю я, протягивая Адаму телефон. Голос звучит неожиданно твёрдо, хотя внутри всё дрожит. Он бросает на экран ленивый взгляд.

– Смс, – отвечает безразлично.

– Я вижу, что смс. “Спасибо за телефон, даже мечтать не могла, что получу его ещё до начала продаж” – слова вырываются почти шёпотом. Глаза жгут, но слёзы я сдерживаю. – Что это значит?

– Значит, понравился, – Адам пожимает плечами и возвращается к своей тарелке, словно ничего не произошло.

– А мне? – спрашиваю резко. – Чего мне-то не купил? Мой телефон уже три года виснет, аккумулятор не держит. Ты же знаешь, как он меня бесит!

– Ты знаешь, что я тебе даю деньги, – отмахивается он, даже не глядя. – Можешь пойти и купить себе всё, что захочешь.

От этих слов у меня внутри что-то переворачивается. Пойти и купить себе? Разве я когда-нибудь тратила на себя? За последние двадцать лет все деньги уходили на детей, на дом, на его мать, на его отца. Я даже не помню, когда последний раз думала о себе.

– Не мог ты сам мне купить? – спрашиваю я уже тише.

– Ну вот, началось, – тяжело вздыхает он. – Марьям, перестань. Я же для тебя всё делаю. Дом, деньги. Чего тебе не хватает?

– Не хватает, чтобы ты обо мне подумал, – отвечаю я срывающимся голосом. – Хотя бы раз.

Он молчит. И я снова одна с этой пустотой внутри.

Я ставлю тарелки в раковину, когда он вдруг говорит:

– Марьям, мне нужно с тобой поговорить.

– Говори, – отвечаю без особого интереса. Всё равно это будет что-то о работе или его матери.

– Я решил жениться.

Моя рука замирает в воздухе, и тарелка чуть не падает.

– Ч-что? – я поворачиваюсь к нему. Внутри всё будто замерло, даже воздух вокруг кажется тяжёлым.

– Я мужчина, – отвечает он, словно речь идёт о чём-то обыденном. – Мне это дозволено.

– Жениться? Ты собираешься жениться? – повторяю я, не веря своим ушам. – Зачем? У тебя есть я.

– Это моё право, – спокойно объясняет он, как будто говорит о погоде. – Мужчине разрешено иметь до четырёх жён. А я, как видишь, беру всего лишь вторую.

Всего лишь вторую.

– Ты серьёзно? – мой голос звучит хрипло.

– Конечно, – он смотрит на меня, как на упрямого ребёнка, который никак не может понять очевидное. – Я обеспечиваю тебя, детей, всю семью. Всё останется как есть. Твоя жизнь никак не изменится.

– Как это – никак не изменится? – голос срывается, я уже не могу держать эту боль внутри. – Ты приводишь в нашу жизнь другую женщину!

– Она не будет здесь жить, я купил ей квартиру, – отвечает он, явно не понимая, почему я до сих пор спорю.

– И ты думаешь, этого достаточно? – я смотрю на него, пытаюсь понять, шутка это или нет. – Ты просто решил, что можешь вот так всё разрушить?

Он встаёт из-за стола, поправляет рукава рубашки, бросает на меня взгляд, полный досады.

– Ничего я не разрушаю. Ты драматизируешь. Всё будет как прежде.

Как прежде? Когда он решает взять вторую жену? Когда всё, что я строила, ломается на моих глазах?

Я с трудом сдерживаю рыдания. Но в голове звучит только одно: всё будет как прежде. Только вот прежде больше не вернёшь.

Глава 1

6:30 утра.

Я открываю глаза. Темно, тихо, но организм, как заводной механизм, поднимает меня с кровати. Я тихо сползаю с края, стараясь не разбудить Адама. Он спит, как обычно, на правом боку, слегка похрапывая.

В ванной я встречаю своё отражение: уставшее лицо, чуть расплывшаяся талия. Руки машинально касаются живота.

– Ну, ещё бы, – шепчу себе. – Сорок два года, трое детей, хозяйство... куда тут не располнеть?

Думаю, если бы чуть подтянуться, можно было бы выглядеть моложе. Морщин почти нет, лицо ещё держится. Но мечтать некогда. Я умываюсь холодной водой, завязываю волосы в вечный пучок и выхожу.

На кухне пахнет заваренным чаем, и я начинаю свой ритуал. Каждый день один и тот же.

Завтрак для всех

Свёкр проснётся ровно в семь и уже за столом попросит свой молочный суп с рисом. Для свекрови – тот же суп, но с сахаром, который я добавляю отдельно, потому что она не любит, когда он варится вместе с молоком.

Адаму нужен омлет. С индейкой. Без соли.

Ахмед, мой старший, просит тосты, хотя я тысячу раз говорила, что это вредно на голодный желудок. Но ему восемнадцать, он взрослый, сам решает.

Алия – фруктовый салат. Ещё бы, у неё же мечта стать дизайнером. “Фигура – лицо женщины”, говорит она.

Иса, младший, каша. Всегда каша. Ему всё равно, лишь бы на завтрак был сахар и телефон в руках.

Готовлю быстро, на автомате, хотя каждое движение – это энергия, которая уходит из меня. За всеми этими хлопотами проходит полтора часа, а я всё ещё даже не пила чай.

Семейный завтрак

– Мам, где ложка? – кричит Ахмед.

– На столе! – отвечаю, перекладывая горячий омлет на тарелку.

– Ты не видишь, что здесь грязно? – это уже свекровь. Она проходит мимо, бросая недовольный взгляд на раковину, где я не успела убрать сковородку.

– Сейчас уберу, мама, – машинально говорю я.

– Где мой салат? – Алия уже на кухне, стоит с телефоном в руках.

– На столе, милая.

Я успеваю поставить чайник, когда Иса появляется на пороге.

– Мама, мне каша остывает. Налей молока.

Молча иду к холодильнику.

Мы все садимся за стол. Я пытаюсь съесть кусочек хлеба с сыром, но он застревает в горле. Ахмед просит чай. Адам протягивает мне пустую чашку.

– Ещё добавь сахара, – говорит он.

Я смотрю на всех. И понимаю: ни один из них даже не замечает, как мне тяжело. Они привыкли, что я есть. Что всё делается.

Что я существую.

Я поднимаюсь из-за стола, как только доедаю последний кусок хлеба. Ахмед убирает свои тарелки на край стола – не в раковину, нет, зачем, – и уже выходит из кухни.

– Мам, я ушёл. Если что, не звони, у меня лекции, – бросает он, застёгивая куртку на ходу.

– Хорошо, сынок, – машинально отвечаю, хотя знаю, что звонить я и не собиралась.

Алия тихо сидит в углу, листает что-то на телефоне. Даже не поднимает голову, когда я спрашиваю:

– Ты доела?

– Да.

– Тогда убери за собой.

Она смотрит на меня удивлённо, будто я попросила что-то невероятное.

– Мам, я опаздываю.

И с этими словами встаёт, бросает свою чашку на край стола и исчезает в коридоре.

Иса, как всегда, сидит дольше всех. Он играет в телефоне, ковыряя ложкой в остывшей каше.

– Доедай быстрее, – говорю ему.

– Ещё немного, – отвечает он, не отрывая взгляда от экрана.

Свекровь и свёкр уже ушли в гостиную. Телевизор включён, свекровь громко обсуждает что-то со свекром. Я слышу только отдельные фразы: «Наша молодёжь совсем распустилась... в наше время такого не было...»

На кухне остаётся только Адам. Он неспешно пьёт чай, листая телефон. Я подхожу к раковине и начинаю мыть посуду. Вода льётся, а я слышу только этот звук – шум воды, стук тарелок.

– Ты сегодня куда-нибудь собираешься? – неожиданно спрашивает он.

Я оборачиваюсь.

– Нет, а что?

– Просто подумал, может, захочешь куда-то выйти. Купи себе что-нибудь, – он делает паузу, не отрываясь от экрана телефона. – Твой телефон давно пора заменить. Возьми деньги и купи.

Я не сразу понимаю, что он говорит. Это предложение? Это забота?

– А ты сам не мог бы? – спрашиваю осторожно.

Он поднимает на меня взгляд.

– Я тебе деньги даю. Что ещё нужно?

Внутри что-то обрывается. Эта фраза – словно холодный удар. Деньги. Он думает, что я хочу денег? Что этого достаточно?

Я вытираю руки полотенцем и отворачиваюсь. Не хочу, чтобы он видел моё лицо.

– Да, конечно, – говорю я.

Он кивает, встаёт из-за стола, забирает телефон и уходит. Я остаюсь на кухне одна, с этой странной пустотой внутри.

День начинается

Я убираю тарелки, мою стол, проверяю, чтобы всё было на своих местах. Затем поднимаюсь наверх, чтобы разбудить младшего, который после завтрака всегда ложится обратно в постель.

– Иса, вставай, пора в школу.

Он лениво ворочается, укрывается с головой. А я стою рядом, жду. И думаю, что это уже двадцать второй год моей жизни, когда каждое утро начинается с чужих нужд.

Моих здесь нет.

Когда-то я хотела многое. Быть кем-то. Шить одежду, открыть своё дело, путешествовать. Но всё это осталось в тех днях, когда я стала женой. И матерью.

Сейчас я просто Марьям. Та, о которой вспоминают только тогда, когда нужно что-то подать, приготовить или принести.

И никто из них этого даже не замечает.

Адам

Телефон завибрировал на столе, прерывая мои мысли. Я только открыл ноутбук, собираясь внести расчёты для нового проекта, но экран вспыхнул, привлекая внимание. Сообщение. Милена.

“Ты мне обещал, что мы скоро поедem выбирать мебель, а сам пропадаешь на работе ((Я даже представить не могла, что всё так надолго затянется.”

Я задержал взгляд на экране чуть дольше, чем планировал. Эти её сообщения всегда одинаковые: немного обиженные, чуть капризные, но в то же время трогательные. Милена умеет подать себя. Она знала, как написать так, чтобы я почувствовал себя виноватым. Но, что удивительно, меня это не раздражало. Наоборот.

Я быстро набрал ответ:

“Работа, милая. Скоро всё сделаем, потерпи ещё немного.”

Отложил телефон, но на мгновение задумался. Мебель. Мы с ней уже несколько недель обустроиваем её квартиру. Милена говорила, что ей нравится всё светлое, стильное, современное. “Хочу, чтобы там было просторно, уютно и немного... волшебное,” – сказала она как-то, и я даже улыбнулся.

В последнее время я всё чаще ловил себя на мысли, что с ней легко. Приятно. Она как свежий ветер после знойного дня. Молодая, живая. Совсем не такая, как Марьям.

Когда я только задумался о второй жене, всё казалось таким сложным. Семья, дети, её родители, мои родители... Но чем больше времени я проводил с Миленой, тем сильнее убеждался, что это правильное решение. Мужчинам позволено иметь до четырёх жён, так почему я должен отказывать себе хотя бы во второй? Я же никого не предаю, ничего не рушу.

С Миленой мы познакомились случайно. Она училась на третьем курсе и пришла на практику в одну из строительных компаний, с которыми я работаю. Тогда она показалась мне обычной студенткой: любопытной, с наивным взглядом на жизнь. Но что-то в ней зацепило. Её лёгкость, её улыбка, её способность слушать.

Сначала это были просто разговоры. Потом переписки. А теперь... Теперь я уже обустроивал для неё квартиру. Для нашей новой жизни.

Телефон снова завибрировал. Ещё одно сообщение.

“Адам, я нашла идеальный диван! Белый, из велюра, с тёмными ножками. Такой классный, ты должен его увидеть!”

Я невольно улыбнулся. Милена и её диван. Она так много говорила о том, что хочет, чтобы её квартира выглядела “как из журнала”. Её восторженность была заразной.

“Пришли фото. Если всё устраивает, покупай,” – ответил я.

“Правда? -=>Ты лучший!”

Положив телефон, я на секунду задумался. Милена никогда не стеснялась проявлять эмоции. Когда я захожу к ней, она всегда встречает меня с улыбкой. Обнимает, целует. Конечно, до свадьбы мы не можем позволить себе слишком многого – это и я, и она понимаем. Но порой... порой всё выходило за рамки.

Я помню, как однажды вечером, когда мы обсуждали интерьер, она вдруг подошла ко мне и обняла. Просто так. Говорила, что благодарна за то, что я есть. Её руки коснулись моего плеча, и я не удержался. Мы стояли так несколько минут, потом она потянулась и легко поцеловала меня в щёку.

Этот поцелуй перерос в нечто большее.

Я до сих пор помню, как её пальцы скользнули по моему лицу, а потом легли мне на грудь. Это не было чем-то неправильным, это было... естественным. Мы просто тянулись друг к другу.

Я понимал, что слишком далеко заходить нельзя, но её поцелуи, её касания были настолько искренними, что я не мог остановиться.

Вернувшись к работе, я подумал о том, что Милена сделала мою жизнь ярче. С ней я чувствовал себя снова молодым. Чувствовал себя мужчиной. С Марьям этого давно не было.

Когда-то она тоже была живой, весёлой, лёгкой. Но это осталось в прошлом. Теперь она мать моих детей. Уставшая, замотанная, вечно в хлопотах. Она не замечала меня. Не видела, как я устал.

А Милена... Она смотрела на меня с восхищением. Словно я был её героем.

“Разве я не заслуживаю счастья?” – подумал я, закрывая ноутбук и беря телефон в руки.

На экране снова светилось её сообщение.

“Ты самый лучший. Правда-правда. С тобой я чувствую себя самой счастливой.”

Я набрал короткий ответ:

“Ты тоже делаешь меня счастливым.”

И внутри стало тепло. Даже после сложного дня я чувствовал, что с ней всё будет иначе. Легче. Лучше. И я снова убедился, что сделал правильный выбор.

Марьям

Как только за мужем захлопнулась дверь, я выдохнула. Не от облегчения, нет. Просто впереди был длинный день, и я знала, что никто, кроме меня, эту махину домашней работы не сдвинет.

Поднялась наверх. Каждый шаг напоминал о тяжести, которая накопилась за годы. Дом большой, а руки у меня одни.

Начала, как всегда, с комнаты старшего.

Ахмед ушёл рано, а за ним осталась знакомая картина: свитер, джинсы, футболка валяются на кровати. Как он умудряется разбрасывать всё именно так? Рюкзак лежит на полу, вместо того чтобы стоять на стуле.

Я начала собирать вещи. Нашла пару носков под кроватью – один был чистым, другой... лучше бы я его не находила.

– Ахмед, тебе восемнадцать, взрослый парень. Неужели сложно хоть раз убрать за собой? – пробормотала я вслух, хотя знала, что эти слова никто не услышит.

Заправила кровать, сложила учебники на стол. Прогладила рукой штору, которая висела неровно. Всё. Теперь можно идти дальше.

У Алии всё, как всегда: пол завален её “творчеством”. Карандаши, эскизы, обрезки ткани – везде. У меня не осталось сил её ругать.

– Дизайнер, – шепнула я себе под нос, поднимая карандаши и складывая их в коробку.

На кровати лежали футболка и юбка. Как она могла так их бросить? Алиа часто говорит, что хочет быть самостоятельной, но почему-то её “самостоятельность” заканчивается там, где нужно убрать за собой.

Я застелила её кровать, убрала с подоконника стакан, в котором всё ещё был чай. Пахло прелой травой.

– Алиа, хоть бы чашку отнесла, – сказала я вслух, хоть и знала, что в пустой комнате мои слова никому не нужны.

Зашла в комнату младшего. Здесь бардак был другим: книги на столе, зарядные устройства спутаны и валяются на кровати, рядом – тарелка с остатками чего-то липкого.

– Иса, Иса, – вздохнула я.

Собрала книги, аккуратно сложила их на полку. Убрала тарелку, посмотрела на одеяло, которое было просто скомкано в углу кровати. Исправила это. Повернулась и увидела его телефонный провод, намотанный на ножку стула. Размотала и положила на место.

Я знала, что к вечеру всё будет снова разбросано, но ничего не могла с этим поделать.

Вниз я спустилась к 11 часам. Пора было готовить обед.

Войдя на кухню, я сразу услышала голос свекрови из гостиной:

– Обед ещё даже не начинался готовится! Как всегда, невестка опаздывает. В наше время всё было готово с самого утра.

Я остановилась на секунду, чтобы перевести дыхание. В груди защемило, но я ничего не ответила. Зачем? Это бессмысленно.

Я достала кастрюли, начала резать овощи. Сегодня будет суп с курицей для свёкра, плов для детей и что-то мясное для Адама. Всё по списку. Как иначе?

Через полчаса зашёл Иса.

– Мам, мне яблоко нарежешь? – спросил он.

– Сам не можешь? Нож же вот, – ответила я, не оборачиваясь.

– Я занят, – пробормотал он и вышел, не дожидаясь моего ответа.

Ахмед вернулся к обеду.

– Мам, у меня сегодня к вечеру лекции. Мне плов положишь с собой?

– Конечно, положу, – ответила я автоматически.

Свекровь заглянула на кухню, глядя на мои руки:

– Ты так режешь, как будто времени вагон. Ловчее надо.

– Да, мама, – отозвалась я тихо.

Я снова почувствовала усталость. Не физическую – ту, которая сидела внутри. День ещё не закончился, а я уже вымотана. Мне хотелось хотя бы на минуту присесть, просто закрыть глаза и не думать ни о чём.

Но кто мне это позволит?

К тому времени, когда я подала обед на стол, я чувствовала себя пустой. Никто не сказал спасибо. Ахмед сел за стол и сразу уткнулся в телефон. Алия спросила, где её салат. Иса жаловался, что суп остыл.

Я села рядом, налила себе чай. Взяла в руку кусок хлеба. Хотелось плакать, но я улыбалась. Так надо. Ведь я – жена, мать, невестка. Разве у меня есть право на что-то большее?

Адам

Работа всегда была для меня убежищем. Здесь всё просто: есть проблемы – ты их решаешь. Люди уважают тех, кто знает, что делает. Ноутбук, чертежи, сметы, звонки с подрядчиками – это мой мир. Чёткий, понятный.

Дома – совсем другое. Там всё спутано. Быт, дети, разговоры, которые давно утратили смысл.

Марьям... Я посмотрел на часы. Наверняка сейчас она дома, суетится на кухне. Она всегда что-то делает, хлопочет, подаёт, убирает. Дом – это её жизнь. И этим она так гордится.

Когда мы только поженились, всё было иначе. Она была другой. Весёлой, яркой. Я помню, как смотрел на неё в день нашей свадьбы и думал: “Вот она, та самая женщина, которая будет вдохновлять меня всю жизнь”.

Но прошло двадцать два года. Два десятилетия, которые превратили её в кого-то совсем другого.

Теперь она мать моих детей, домохозяйка. Её руки вечно пахнут мылом или приправами. Она носит одну и ту же одежду, волосы вечно собраны в пучок. И я понимаю, что она устала. Но... я тоже устал.

С Марьям я уже давно перестал чувствовать себя мужчиной. Всё, что между нами было раньше, исчезло. Когда в последний раз она смотрела на меня, как на мужчину, как на того, кого можно желать? Я даже не помню.

Секса у нас не было больше года. Всё сошло на нет постепенно. Сначала она перестала обращать внимание на себя: носить красивую одежду, делать прическу. Потом – на меня. Я был для неё просто источником денег, опорой для дома.

Я, конечно, пытался говорить с ней. Намекал, что нужно что-то менять. Что она может уделить себе время, заняться чем-то для себя. Но каждый раз слышал в ответ одно и то же: “А когда? У меня столько дел!”

Да, у неё много дел. Она хорошая мать, хорошая хозяйка. Но быть женой – это ведь больше, чем готовить и убирать.

Милена дала мне то, чего мне так не хватало. Лёгкость. Задор. Чувство, что я снова молод. Она смотрит на меня так, как Марьям давно уже не смотрела. Её глаза горят, когда она говорит со мной. Её смех – как свежий воздух после долгого дня.

С Миленой я чувствую, что живу.

Она не требует от меня ничего сверхъестественного. Ей не нужны деньги на ремонт, ей не важно, купил ли я новый пылесос. Она говорит о мечтах, о планах, о нас. Её интересует мой день, мои мысли.

Милена знает, как поддержать. Как вдохновить.

Когда я решил взять вторую жену, я долго думал, как отреагирует Марьям. Но чем больше размышлял, тем больше убеждал себя: для неё ничего не изменится. У неё есть дом, дети, привычная жизнь. Она счастлива этим. Разве ей нужно что-то больше?

Она ведь даже не заметит разницы. Всё останется по-прежнему.

Я снова посмотрел на телефон. Милена написала:

“Ты подумал, какой цвет выбрать для спальни? Светло-серый или белый? Мне нравится белый, он такой чистый. А тебе?”

Я набрал ответ:

“Белый. Как ты и хотела. У нас всё будет идеально.”

И снова поймал себя на мысли, что с ней всё проще. Легче. Я хочу видеть её счастливой. Я хочу, чтобы с ней моя жизнь снова заиграла красками.

Марьям не потеряет ничего. А я обрету то, чего мне так не хватало все эти годы.

Марьям

День подходил к концу. Я слышала, как дверь открылась и закрылась, а потом по дому раздались тяжёлые шаги Адама. Он вернулся.

– Я дома, – бросил он, проходя в гостиную. Никто из детей даже не откликнулся.

Я вышла с кухни, вытирая руки об уже давно истончённое полотенце.

– Ужинать будешь? – спросила я.

– Конечно, – ответил он, словно я могла подумать иначе.

Его голос был спокойным, но в нём сквозила усталость. Та усталость, которую он, конечно, не собирался объяснять. Я снова ушла на кухню и достала кастрюлю с супом. В голове мелькнула мысль, что это пятый раз за день, когда я что-то подаю или убираю.

За столом, как всегда, собралась вся семья. Я разливала суп, ставила перед каждым тарелку, наполняла стаканы водой, убирала ложки, которые дети раскидали, едва усевшись.

– Мам, мне ещё хлеба, – сказал Ахмед.

– Мам, у меня ложка упала, – добавил Иса.

– Мне салфетку, пожалуйста, – бросила Алия, даже не поднимая глаз от телефона.

– Может, сами? – почти автоматически спросила я, но никто не услышал.

Я опустила на стул, наконец собираясь съесть хоть что-то, но тут услышала голос све-крови из гостиной:

– Невестка, ты что, забыла, что завтра нужно убрать во дворе? Листья везде валяются!

Я стиснула зубы. Завтра? Конечно, завтра. Почему бы и нет? Двор – это же моя ответственность. Как и огород, который она благополучно решила устроить прошлой весной. “Свежие овощи для семьи,” говорила она. Только теперь свежие овощи добывала из земли я, а она лишь командовала, как будто работала лейтенантом.

После ужина я убирала со стола. Ахмед ушёл в свою комнату, Алия забрала тарелку с остатками салата и бросила её в раковину. Иса уткнулся в телефон прямо за столом, даже не подумав встать.

– Вставай, неси посуду, – бросила я ему.

– Сейчас, мам, я почти закончил, – пробормотал он. Но, конечно, “сейчас” никогда не наступило.

Я взяла тарелки и пошла мыть гору посуды.

Вода текла по моим рукам, которые давно потеряли всякий вид. Кожа сухая, ногти обломаны. Маникюр? Это слово уже давно было для меня чем-то из другой жизни.

“Когда?” – подумала я, опуская руки в мыльную воду. Когда у меня будет время для себя? Чтобы просто присесть, расслабиться, сделать что-то не для них, а для себя.

Я мечтала, что когда дети вырастут, мне станет легче. Что они будут помогать, поддерживать меня. Но они просто выросли, став большими версиями тех же самых себя. Вместо помощи я получала лишь больше просьб, больше вопросов, больше требований.

Не такой я представляла свою жизнь.

Когда я выходила замуж, мне было двадцать. Я мечтала, что у меня будет семья, дом, любовь. Но всё это растворилось в бесконечных днях, заполненных уборкой, готовкой и необходимостью быть для всех, кроме самой себя.

Я закончила мыть посуду, но в голове звучал тихий голос: так больше не может продолжаться.

Поднялась наверх к себе в спальню. За дверью тихо, как всегда. Адам уже лежал на кровати, уткнувшись в ноутбук. Его лицо освещал холодный свет экрана. Рядом на прикроватной тумбочке лежал телефон, который вибрировал каждые пару минут.

Он не поднял голову, не сказал ни слова. Словно меня не было.

Я прошла к шкафу, достала ночную рубашку и переоделась. Он всё так же молчал.

“Как будто я предмет мебели,” – подумала я. “Как будто он даже не замечает меня.”

Я села на край кровати и устало потерла руки. Сил не было. Ни на разговоры, ни на мысли, ни даже на слёзы.

Я просто легла на свою сторону кровати, смотря в потолок, и думала только об одном: Неужели так будет всегда?

Глава 2

Марьям

С утра всё началось, как обычно. Я встала пораньше, заварила чай для свекра и сварила рисовую кашу для младшего. Запах свежего хлеба наполнил кухню, когда я достала тосты для Ахмеда. Всё было как всегда: беготня, хлопоты, но в этом было что-то привычное, даже успокаивающее.

Адам, как всегда, спустился вниз поздно. Всё-таки суббота, и он считал, что имеет право выспаться. Сел за стол, потянулся к чаю.

– У меня день сегодня загруженный, – сказал он, как будто оправдывался за то, что снова не проведёт время с семьёй.

Я промолчала. Что ещё сказать? У него всегда день загруженный.

Телефон, который он положил рядом с тарелкой, вдруг завибрировал. Экран зажёгся, и я краем глаза заметила имя, которое мне ничего не сказало. Одно короткое сообщение:

“Ты сегодня самый лучший”).”

Я замерла на секунду. Буквально миг – но в этот момент сердце пропустило удар. Женщина. Кто ещё мог отправить такое сообщение?

Адам быстро схватил телефон и нажал на экран, чтобы сообщение исчезло. Его лицо оставалось спокойным, даже равнодушным, но я заметила, как он чуть отвёл глаза в сторону.

– Это кто? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– По работе, – коротко ответил он, не поднимая головы.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, врет он или нет. Но на его лице была такая непроницаемость, что я поняла: он не собирается объяснять.

– Что-то срочное? – спросила я, не отпуская тему.

– Нет, – сказал он чуть резче, чем обычно. – Просто уточняли детали.

Я снова замолчала. Внутри всё будто закипало. Это было сообщение явно не от коллеги. Но я не могла доказать ничего.

Он быстро допил чай, бросил:

– Я в офис, – и вышел.

Телефон он забрал с собой.

Оставшись одна, я почувствовала, как пустота внутри меня вдруг начала заполняться. Нет, не обидой – этим я жила уже давно. Это было что-то другое. Страх.

Я всегда знала, что он стал другим. Отдалился, перестал уделять мне внимание. Но я убеждала себя, что так бывает в браке. Время уносит эмоции, оставляя только привычку. Но теперь... теперь это больше не казалось чем-то естественным.

Сообщение мелькало перед глазами. *“Ты самый лучший ”* Эти слова разъедали меня.

Кто она? И что это значит?

Чтобы отвлечься, я вышла в огород. Свекровь давно настояла, чтобы мы завели грядки, хотя вся эта идея – свежие овощи, зелень, свои фрукты – в итоге легла на мои плечи. В руках у неё был только указательный тон.

Я сорвала пару листьев салата, поправила грядки с укропом. Пока я поливала клубнику, мысли снова вернулись к тому, что я видела.

“Может, я всё придумала?” – подумала я. “Это просто коллега. Наверняка ничего особенного.”

Но голос внутри не утихал. Интуиция, которой я привыкла доверять, нашёптывала другое.

Когда Адам вернулся вечером, он выглядел усталым. Но это была какая-то другая усталость. Не физическая. Скорее отстранённость, которая только усилилась за последние месяцы.

Я накрыла на стол. Плов с мясом, немного овощей. Как обычно.

– День прошёл хорошо? – спросила я, подавая ему тарелку.

– Угу, – коротко отозвался он, даже не поднимая глаз.

Дети сидели за столом, обсуждая что-то своё. А я снова оказалась наедине с мыслями. Я искала повод заговорить о том сообщении, но не могла найти слов.

После ужина он поднялся в спальню. Я снова мыла посуду, смотрела на свои потрескавшиеся руки и думала: “Если я его спрошу, скажет ли он правду? Или снова отмахнётся, как от чего-то незначительного?”

Когда я поднялась наверх, он уже лежал в кровати с ноутбуком. Свет экрана освещал его лицо. Телефон лежал рядом, но он так крепко держал его в руках, будто боялся, что я случайно загляну в него.

Я легла рядом и отвернулась. Сказать что-то или молчать? Этот вопрос кружил в голове, но я знала, что ответ всё равно один: я скажу, а он отмахнётся. Как всегда.

Адам вернулся домой поздно. Дети уже разошлись по своим комнатам, а я, измотанная за день, всё ещё возилась на кухне. Ужин давно был готов: плов, овощной салат, немного супа – стандартный набор для обычного вечера.

Он вошёл на кухню, глядя на стол. Я обернулась.

– Ужинать будешь? – спросила я.

– Что есть? – отозвался он, устало снимая пиджак и бросая его на спинку стула.

– Плов.

Он замер на секунду, а потом с раздражением бросил:

– Почему опять плов? Ты не могла что-то другое приготовить?

Эти слова прозвучали так буднично, так равнодушно, что я едва сдержалась, чтобы не выронить тарелку, которую держала в руках. Внутри у меня всё кипело.

– Если не нравится, можешь сам себе приготовить, – сказала я тихо, но голос дрогнул.

Адам посмотрел на меня так, словно я сказала что-то абсурдное.

– Я работаю, Марьям. Твоя задача – заботиться о доме. Или ты забыла?

– Забыла? – я почувствовала, как голос срывается. Я не выдержала. – Ты думаешь, я ничего не делаю? Ты вообще понимаешь, сколько я на себе тяну?

Он нахмурился, скрестив руки на груди.

– О чём ты? У тебя есть всё. Дом, дети, деньги. Чего тебе не хватает?

Эти слова стали последней каплей.

– Не хватает уважения! – выпалила я, забыв о том, что дети могут услышать. – Ты считаешь, что твоя работа – это главное, а всё, что делаю я, – просто ерунда? Да, у нас есть дом, деньги, но кто за этим всем стоит? Кто готовит, убирает, воспитывает детей?

Он смотрел на меня, нахмутив брови, словно я говорила на чужом языке.

– Марьям, ты живёшь в своём доме. У тебя всё есть. Я даю тебе деньги, – холодно ответил он. – Ты только об этом должна думать.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Эти слова звучали, как приговор. В его глазах я действительно была всего лишь частью этого дома, дополнением, которое должно выполнять свои функции.

Я отвернулась, чтобы он не видел, как слёзы навернулись на глаза. Я вытерла руки о фартук и стиснула зубы, чтобы не дать себе разрыдаться.

– Конечно, – сказала я тихо. – Конечно, ты прав.

Он молча сел за стол, начал есть. Даже не заметил, что я больше ничего не сказала.

Я поднялась наверх в спальню раньше обычного. Вода в ванной была ледяной, но я даже не почувствовала холода. Всё внутри меня выжгли его слова.

Я подошла к зеркалу, глядя на своё отражение. Растрепанные волосы, уставшее лицо, руки, которые давно забыли, что такое уход.

“Вот кто я для него,” – подумала я. – “Просто часть мебели. Женщина, которая должна делать всё, чтобы ему было удобно. А я? Разве я существую для себя?”

Впервые за долгое время эта мысль не отпустила меня.

Когда я вошла в спальню, Адам уже лежал с ноутбуком на коленях, рядом вибрировал телефон. Он даже не взглянул на меня, когда я села на свою сторону кровати.

Внутри было тихо, но только снаружи. Внутри я чувствовала, как загорается что-то новое. Что-то, что я раньше не позволяла себе чувствовать. Это было начало. Я ещё не знала чего, но одно стало ясно: так больше жить нельзя.

В ту ночь я не могла уснуть. Слова Адама продолжали звучать в голове, словно эхо. *“Ты живёшь в своём доме. У тебя всё есть. Чего тебе не хватает?”*

Чего мне не хватает? Сначала я думала, что ответа нет. Но чем дольше я лежала, уставившись в потолок, тем яснее понимала: мне не хватает самой себя.

Вспомнила, как несколько дней назад пришло сообщение от Айгуль, моей школьной подруги. Она поздравляла меня с праздником. Обычно я отвечала дежурными фразами, что-то вроде: *“Спасибо! Тебя тоже!”* Но на этот раз... на этот раз её предложение пообедать в ресторане вдруг зацепило.

Айгуль была полной моей противоположностью. После школы она не вышла замуж сразу, а уехала учиться, потом сделала карьеру, а только потом встретила своего мужа. Она всегда казалась мне свободной, лёгкой, уверенной. Мы переписывались редко, но её сообщения всегда были дружелюбными, немного настойчивыми.

“Марьям, давай встретимся. Поговорим, посмеёмся, как в старые времена. Ты же не откажешься, правда?”

В тот момент я впервые за долгое время решила сказать “да”.

На следующий день я, как обычно, занималась домашними делами. Но в голове было только одно: как сказать всем, что я уйду. Это казалось невероятным. Я никогда не уходила “просто так”. У меня всегда была причина: пойти за покупками, отвезти детей, сделать что-то для семьи. Но сейчас... сейчас я хотела выйти из дома для себя.

Я написала Айгуль:

“Я свободна завтра. Куда пойдём?”

Ответ пришёл почти мгновенно:

“Я знала, что ты согласишься! Давай в ресторан, я забронирую столик. Только не отмазывайся в последний момент!”

Я улыбнулась.

– Мам, ты мне купишь новые кроссовки? – Иса зашёл на кухню, не отрываясь от телефона.

– После завтра, – сказала я спокойно.

Он удивлённо посмотрел на меня, словно я сказала что-то неправильное.

– Не завтра? Ты же всегда сразу идёшь, – пробормотал он.

Я пожала плечами:

– Завтра у меня свои планы.

На следующее утро я встала раньше обычного. Все спали, а я стояла у зеркала, глядя на себя. Прическа, одежда, макияж – всё казалось мне чужим. Я уже и не помнила, как это делается.

Я достала с полки старый платок, который надевала всего пару раз. Накинула на голову, посмотрела на своё отражение. Лицо было уставшим, но что-то в глазах оживило.

“Хватит,” – подумала я. – “Я должна что-то менять.”

Когда я вышла из дома, сердце колотилось. На меня никто не обратил внимания: ни дети, ни свекровь, ни Адам. Они привыкли, что я всегда где-то рядом, готовая всё сделать. Но я оставила их с обедом, который приготовила накануне, и ушла.

Айгуль ждала меня у входа в ресторан. Она была такой же, как я её помнила: уверенная, улыбочивая, немного громкая.

– Марьям! Я думала, ты в последний момент скажешь, что не можешь, – сказала она, обняв меня.

– Нет, я решила... я решила, что хочу встретиться, – ответила я и почувствовала, как из меня уходит напряжение.

Ресторан был уютным, со светлыми столиками и мягкими креслами. Мы сели у окна. Айгуль сразу начала рассказывать о своей жизни, а я слушала её и думала: почему я не могу так же?

– А ты как? – вдруг спросила она.

– Я? – я замялась, не зная, что сказать. – У меня всё как всегда. Дом, дети, Адам.

– И тебе этого хватает? – её вопрос был прямым, но не осуждающим.

Я задумалась. Впервые за долгое время я позволила себе спросить это у самой себя.

– Наверное, нет, – ответила я тихо.

Айгуль кивнула:

– Тогда меняй это, Марьям. Никто за тебя этого не сделает.

Эти слова прозвучали, как удар молнии. Я смотрела на неё и понимала: она права.

Я вернулась домой поздно, но впервые за долгие годы я чувствовала себя по-другому. Это была лишь встреча с подругой, всего один обед, но он стал началом. Началом чего-то нового.

Адам

Воскресенье. Я редко ждал этот день, но сегодня всё было иначе. У меня не было ни встреч, ни стройки, ни звонков. Полный выходной.

Я проснулся позже обычного, когда солнце уже заливало комнату светом. Встал, потянулся, спустился на кухню в предвкушении горячего завтрака. Обычно Марьям в это время уже сутилась у плиты, но сейчас кухня была пустой.

На столе стояла тарелка с остывшим хлебом и остатки вчерашнего чая. Это сразу насто- рожило.

– Марьям! – позвал я, но в ответ только тишина.

В голове мелькнула мысль, что она, наверное, в огороде. Или с мамой. Я сам налил себе чай, но странное ощущение не отпускало.

Прошёл час, другой. Я обошёл дом, заглянул в огород, но её нигде не было. Тогда я написал:

“Ты где?”

Ответа не было.

Я пытался отнестись к этому спокойно. Ушла куда-то по делам, значит, вернётся. Но это было странно. Марьям всегда говорила, куда идёт. Даже если шла просто в магазин или отвезти что-то своей матери.

Я снова написал:

“Почему не отвечаешь?”

Ещё через час пришло короткое сообщение:

“Ушла по делам. Скоро приеду.”

“По делам?” Какие у неё дела? Она ведь никогда не уходит без предупреждения. В голове закрутились вопросы. Я чувствовал, как раздражение поднимается всё выше.

Было уже за шесть, когда я услышал, как хлопнула входная дверь. Я вышел из гостиной и увидел её. Она выглядела спокойной, будто ничего необычного не произошло.

– Ты где была? – спросил я, стоя в дверях.

Она сняла платок, положила сумку на тумбочку.

– По делам, – ответила она безразличным голосом.

– Это я понял из твоего сообщения, – сказал я, чуть повысив голос. – Но какие дела? Почему ты ушла без предупреждения?

Она обернулась, посмотрела на меня с усталой улыбкой, в которой не было ни капли извинения.

– А ты заметил, что меня не было? – спросила она.

– Конечно, заметил! – ответил я раздражённо. – Ты ушла без разрешения, даже не ответила на первое сообщение.

Жена нахмурилась.

– Разрешения? – переспросила Марьям. – С каких это пор мне нужно твоё разрешение, чтобы выйти из дома?

– Мы семья, – начал я, пытаюсь вернуть контроль над разговором. – Ты не можешь просто так уходить.

Она усмехнулась.

– А ты можешь? Сколько раз ты просто исчезал, даже не сказав, куда пошёл? А когда я звонила, ты отвечал, что “занят”?

Её слова были как пощёчина. Я попытался найти оправдание.

– Это другое. Я работаю.

– А я живу, – перебила она. – Ты сам говорил, что у меня всё есть. Дом, дети, кухня. Разве этого недостаточно? Почему тебя вдруг стало волновать, где я?

Я смотрел на неё, не находя слов. Передо мной стояла не та Марьям, которую я знал. Она не оправдывалась, не извинялась. Её голос звучал твёрдо, а взгляд был решительным.

– Не делай так больше, – сказал я холодно.

Она кивнула, словно соглашаясь, но в её глазах было что-то новое. Что-то, чего я не мог понять.

– Хорошо, – ответила она. – Тогда не спрашивай, где я.

С этими словами она развернулась и пошла на кухню. А я остался стоять, чувствуя, что что-то изменилось. В Марьям. В нас.

Марьям

Когда я вернулась домой, я ожидала, что Адам будет злиться. Он никогда не любил, когда что-то выходило за рамки его привычного уклада. Но, к моему удивлению, я не чувствовала страха перед этим разговором.

Впервые за долгие годы я сделала что-то для себя. И теперь мне хотелось сохранить это чувство – ощущение, что я не только жена и мать, но ещё и человек.

На самом деле, я была готова к этому разговору. И он меня не задел. Всё, что он говорил, уже давно не касалось меня по-настоящему.

Когда он повторял свои обвинения я почувствовала, как внутри у меня поднялась волна протеста.

– Разрешения? – переспросила я. – С каких это пор я должна спрашивать разрешения?

Его лицо помрачнело.

– Мы семья. Ты не можешь просто так исчезать.

Я улыбнулась. Горько, устало.

– Ты серьёзно? Сколько раз ты сам уходил, ничего не сказав? А я даже не спрашивала. Ты просто исчезаешь, потому что “работа”, а я должна угадывать, что у тебя на уме.

Он нахмурился, но не ответил.

– Почему ты думаешь, что мне нельзя выйти из дома просто так? – продолжила я. – Почему ты думаешь, что меня не может быть своих дел?

– У тебя есть всё, – сказал он после паузы. – Дом, дети, деньги. Чего тебе не хватает?

Эти слова были как нож в спину. Они звучали так знакомо, но теперь я слышала их по-другому.

– Чего мне не хватает? – повторила я. – Мне не хватает уважения. Мне не хватает жизни. Я видела, как его лицо стало напряжённым. Он не ожидал этих слов.

После этого разговора мы почти не говорили. Я ушла на кухню, чтобы убрать остатки ужина. Посуду я мыла медленно, машинально, но в голове всё ещё звучали мои собственные слова: *“Мне не хватает уважения. Мне не хватает жизни.”*

Это была правда. Я сказала это вслух впервые.

Когда я поднялась наверх, он уже лежал в кровати, уткнувшись в телефон. Я переоделась, легла на свою сторону и отвернулась.

Он ничего не сказал.

Я лежала, смотря в темноту, и думала: *Что дальше?*

Адам

Я не мог уснуть. Её слова не выходили из головы.

“Мне не хватает уважения. Мне не хватает жизни.”

С каких это пор она начала так говорить? Марьям всегда была тихой, покорной. Она никогда не спорила, не высказывала недовольства. Я привык считать, что она довольна своей жизнью, что ей достаточно того, что я обеспечиваю её и детей.

А теперь она говорила так, словно я для неё ничего не значил.

Я вспомнил, как она посмотрела на меня. В её глазах не было обиды, не было слёз. Только усталость и что-то ещё – решимость.

“Она что, правда думает, что ей чего-то не хватает?” – думал я, лёжа в темноте.

Я перевернулся на бок, посмотрел на её силуэт. Она лежала неподвижно, будто её здесь и не было.

Мне стало не по себе. Может я просто устал и накручиваю? Ну чего может ей не хватать?

Утро началось с тишины. Когда я спустился на кухню, Марьям уже была там. Она разливала чай и ставила на стол завтрак. Всё выглядело привычно, но в её движениях чувствовалась какая-то холодная отчуждённость.

Она даже не спросила, чего я хочу, как делала это всегда. Просто поставила передо мной тарелку с кашей.

– Ты рано встаёшь, – заметил я, пытаюсь завести разговор.

– У меня много дел, – коротко ответила она, даже не взглянув на меня.

Я почувствовал раздражение. Она словно нарочно избегала меня.

– Мы вчера не закончили разговор, – сказал я, откладывая ложку.

– Мы всё сказали, – ответила она спокойно. – У тебя есть работа, у меня – дом.

– Не нужно снова начинать, – перебил я. – Я просто хочу понять. Тебе чего-то не хватает?

Она остановилась, повернулась ко мне, и её глаза встретились с моими.

– Ты правда хочешь знать?

Я молчал. Она редко так смотрела на меня – прямо, не отводя взгляда.

– Мне не хватает себя, – сказала она тихо. – Ты всегда думаешь, что всё вращается вокруг тебя. Но у меня тоже есть жизнь. Или должна быть.

Эти слова прозвучали, как удар. Я хотел ответить, но не успел. Она повернулась и вышла из кухни, оставив меня одного.

Весь день я не мог избавиться от странного ощущения. Марьям вела себя по-другому. Не так, как я привык.

Я вспомнил, как она ушла вчера, ничего не сказав. “По делам,” – её слова продолжали крутиться в голове. Какие ещё дела могут быть у неё?

Я взял телефон и написал ей:

“Что ты делаешь?”

Она ответила быстро:

“Дома. Убираю.”

Её сообщение не успокоило меня. Что, если она что-то скрывает? Эта мысль не давала покоя.

Когда я вернулся домой, Марьям снова была погружена в свои дела. Она готовила ужин, дети сидели за столом, болтая о чём-то своём.

Я сел за стол, пытаюсь поймать её взгляд, но она словно нарочно избегала его.

– Как прошёл день? – спросил я.

– Обычно, – ответила она.

– О чём ты думала утром? – решил я пойти в лоб.

Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

– О том, что мне нужно больше думать о себе.

– Это значит, что ты будешь снова уходить из дома без предупреждения? – спросил я с упрёком.

Она пожала плечами.

– Адам, я не обязана объяснять, где я.

Я сжал кулаки. Её тон, её уверенность выводили меня из себя.

– Мы семья, – сказал я строго. – Ты должна думать о том, как твои поступки влияют на всех.

– А ты? – вдруг спросила она.

Её вопрос заставил меня замолчать.

– Ты думаешь, что твои поступки никак не влияют на меня? – продолжила она. – Всё, что ты делаешь, всё, что ты не замечаешь, – это разрушает нашу семью.

Я хотел возразить, но слова застряли в горле. Впервые за долгие годы она говорила то, что думала, и я не знал, как на это реагировать.

Поздно вечером я лежал в постели, уставившись в потолок. Марьям уже спала или, по крайней мере, притворялась.

Её слова звучали в голове снова и снова.

“Ты думаешь, что твои поступки никак не влияют на меня?”

Что-то в её поведении изменилось. Она больше не была той женщиной, которая всегда молчала и всё терпела. Это злило меня, но одновременно вызывало беспокойство.

Я почувствовал, что теряю контроль над ситуацией.

“Что, если она уже что-то решила, а я даже не знаю?” – эта мысль не давала мне покоя.

Я закрыл глаза, но сон не приходил. Впервые за долгое время я чувствовал, что всё может измениться. И не в мою пользу.

Глава 3

Адам

С утра я уже был как на иголках. Непривычное поведение Марьям продолжало преследовать меня. Её вчерашние слова застряли в голове: *“Ты думаешь, что твои поступки никак не влияют на меня?”*

Я не понимал, что происходит. Она вела себя так, будто ей больше ничего не важно. Словно ей не важно, что я думаю, что говорю.

Когда я спустился на кухню, Марьям готовила завтрак. На вид – как обычно, но её движения были быстрыми, сосредоточенными. Она что-то тихо напевала себе под нос.

– Доброе утро, – сказал я, садясь за стол.

– Утро, – ответила она коротко, не поворачиваясь.

– Что у нас на завтрак?

– Яичница, тосты, чай. Всё на столе, – её голос был ровным, спокойным, но я почувствовал в нём отдалённую холодность.

За столом я пытался начать разговор:

– Что у тебя на сегодня по плану?

Она посмотрела на меня, слегка приподняв бровь.

– То же, что и всегда. Уборка, готовка, дела по дому.

– Это точно? – спросил я, пристально глядя на неё.

Она остановилась, посмотрела на меня спокойно и сказала:

– А ты думаешь, я куда-то исчезну?

Я почувствовал себя не в своей тарелке. Её уверенность сбивала с толку.

Когда я вышел из дома, чувство тревоги не оставляло меня. Марьям менялась, и это было очевидно.

Я не мог отделаться от мысли, что её вчерашний уход был чем-то большим, чем просто “дела”. Но как это проверить?

Я взял телефон и написал ей:

“Что делаешь?”

Через несколько минут пришёл ответ:

“Дома. Стираю.”

Казалось, ничего подозрительного. Но что-то подсказывало мне, что всё не так просто.

Я позвонил Ахмеду, старшему сыну, который в это время должен был быть дома.

– Ахмед, ты дома? – спросил я.

– Да, пап.

– Мама где?

– На кухне вроде была, когда я оттуда выходил. Она сказала, что будет стирать.

Это прозвучало правдоподобно, но я всё равно чувствовал беспокойство.

Когда я вернулся домой, Марьям встретила меня у порога. Она выглядела уставшей, но в её глазах снова мелькало что-то странное – что-то новое, чего раньше не было.

– Как прошёл день? – спросила она.

– Как обычно. А у тебя? – я внимательно смотрел на неё, стараясь уловить любую мелочь.

– Ничего нового. Уборка, готовка. Всё, как всегда, – она улыбнулась, но я почувствовал в её словах что-то... неискреннее.

За ужином я не выдержал.

– Ты точно весь день была дома?

Она отложила вилку, посмотрела на меня, и в её глазах снова появилась та уверенность, которая начала меня раздражать.

– А ты сомневаешься?

– Просто спрашиваю, – сказал я, стараясь не показать своего раздражения.

Она кивнула.

– Ты всё равно не поверишь, что бы я ни сказала.

Я замолчал. Эта женщина, которую я знал двадцать лет, вдруг начала ускользать из моего понимания. И это пугало меня.

Марьям

На кухне, убирая посуду, я чувствовала его взгляд на себе. Он не спрашивал больше ничего, но я знала, что он хочет знать, где я была.

Я улыбнулась себе. Эта маленькая победа – моё решение думать о себе, мои шаги к изменению – заставляла меня чувствовать себя живой.

“Я больше не боюсь,” – подумала я. – “Он привык видеть меня молчаливой, но я больше не такая. И пусть он это знает.”

Вечер выдался тихим. Дети разошлись по своим комнатам, Адам как всегда уткнулся в ноутбук в гостиной, а я стояла на кухне, убирая остатки ужина. В голове звучал голос Айгуль, с которой я поговорила днём.

– Марьям, ты всегда была такой стройной, – сказала она, когда я упомянула о своей усталости. – Помню, как на выпускном все смотрели только на тебя. Что случилось?

– Жизнь случилась, – усмехнулась я, пытаюсь не придавать её словам значения.

Но Айгуль не остановилась.

– Ты же знаешь, как это важно – любить себя. Даже если кажется, что времени нет, нужно найти хотя бы немного. Ради себя.

– Мне некогда, – ответила я. – Ты же знаешь, как у меня всё...

– Не придумывай, – перебила она. – Ты просто боишься начать. Хочешь, помогу?

Этот разговор заставил меня задуматься.

Позже, укладываясь спать, я посмотрела на себя в зеркало. Фигура, которая когда-то привлекала внимание, теперь была далека от идеала. Талия почти исчезла, бёдра стали шире, руки потеряли прежнюю лёгкость.

“Всё из-за тебя,” – подумала я, глядя на свои руки, которые больше походили на руки вечной домохозяйки, чем на руки женщины, которая когда-то гордилась собой.

Но слова Айгуль застряли в голове. Она была права. Я действительно боялась начать.

“А что, если попробовать?” – мелькнула мысль.

На следующее утро, закончив завтрак, я решила поговорить с Айгуль.

– Ты серьёзно насчёт того, чтобы помочь мне? – спросила я, когда она ответила на звонок.

– Конечно! – её голос был радостным. – Я уже жду, когда ты начнёшь.

– Но с чего начать? – я чувствовала неловкость, как будто признавалась в чём-то постыдном.

– С малого, Марьям. Может, просто начнёшь ходить больше? Или пересмотришь, что ты ешь.

– Ходить? – я усмехнулась. – Я и так целый день на ногах.

– Это не то, – рассмеялась Айгуль. – Выйди из дома. Просто погуляй. Для себя, не для детей, не для мужа.

Я задумалась. Это звучало просто, но в то же время... ново.

– Хорошо, – ответила я.

В обед, когда дети были заняты, а Адам ещё не вернулся, я решила попробовать. Надела кроссовки, старый платок и вышла из дома.

Я шла медленно, чувствуя, как ноги привыкают к ритму. В голове крутились мысли: о доме, о детях, о том, что я делаю.

Но через десять минут я заметила, как дыхание стало ровнее, а мысли начали успокаиваться. Это было... приятно.

Когда я вернулась домой, я чувствовала себя иначе. Впервые за долгое время я сделала что-то не для других, а для себя.

Вечером я снова позвонила Айгуль.

– Ну, как прошло? – её голос звучал бодро.

– Хорошо, – призналась я. – Это было странно, но приятно.

– Вот видишь! – она рассмеялась. – Теперь осталось добавить ещё кое-что.

– Что?

– Следи за тем, что ешь. Попробуй есть меньше хлеба и сладкого. И не забудь про воду.

– Айгуль, ты слишком серьёзно к этому относишься, – усмехнулась я.

– А ты, наоборот, слишком легко. Ты что, не хочешь снова быть той красивой Марьям, которой ты была?

Её слова задели меня. Конечно, я хотела. Хотела вернуть себя.

– Хорошо, – сказала я. – Попробую.

Позже, лежа в постели, я чувствовала себя лучше. Лёгкая прогулка и этот разговор стали началом чего-то нового.

“Может, я действительно смогу?” – подумала я.

И впервые за долгое время я уснула с мыслью, что моя жизнь может измениться.

Сегодня я не пошёл на работу. Не то чтобы не было дел – работа всегда найдётся, – но мне казалось, что что-то ускользает из моего внимания. Это чувство тянулось уже несколько дней, и я не мог от него избавиться.

Марьям вела себя иначе. Я не мог объяснить, в чём именно это проявлялось, но что-то изменилось. Её взгляд стал твёрже, движения – увереннее, а слова – короче. Она больше не выглядела той тихой женщиной, которую я знал все эти годы.

Я сидел за столом на кухне и пил чай, когда она вошла, переодевшись в лёгкое платье, которое давно не носила. Оно подчёркивало её талию, и я вдруг заметил, что она выглядела... моложе? Увереннее?

– Куда ты собралась? – спросил я, поставив кружку.

– По делам, – коротко ответила она, поправляя платок.

– Каким ещё делам? – не отступал я.

Она лишь бросила через плечо:

– Скоро вернусь.

Дверь закрылась, оставив меня в тишине.

Часы тянулись медленно. Я пытался сосредоточиться на ноутбуке, но всё время ловил себя на мысли: *Куда она пошла?*

Прошёл час, затем ещё полчаса. Марьям всё не было.

Я достал телефон и написал:

“Ты где?”

Ответ пришёл минут через десять:

“Скоро буду. Всё в порядке.”

Эти слова только усилили моё раздражение. Всё в порядке? И почему я должен верить этому?

В голове мелькали мысли. Может, она встретилась с кем-то? Или она скрывает что-то, чего я не понимаю?

Когда дверь открылась, я уже был готов к разговору.

Она вернулась запыхавшаяся. Щёки пылали, волосы выбились из-под платка. Она сняла его, вытирая лоб, и поставила сумку на стул.

– Где ты была? – спросил я, стараясь держать голос спокойным.

– По делам, – повторила она, не глядя на меня.

– Какие ещё дела? – я встал, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

– Личные, Адам, – она посмотрела на меня устало, но уверенно.

– Личные? – не мог я поверить своим ушам. – Ты уходишь на два часа, возвращаешься в таком виде, и это всё, что ты можешь сказать?

Она подняла глаза, и в них я увидел что-то, чего давно не видел – твёрдость.

– А что ещё ты хочешь услышать?

– Хочу понять, что происходит! – почти выкрикнул я. – Ты странно себя ведёшь. Исчезаешь. Ты что-то скрываешь?

Она усмехнулась.

– Скрываю? А что ты хочешь узнать, Адам? Где я была? Что делала? Или, может, ты сам не знаешь, что тебя беспокоит?

Её спокойствие выводило меня из себя.

– Ты должна мне объяснить, – сказал я.

Она сложила руки на груди, глядя мне прямо в глаза.

– Должна? Адам, я тебе ничего не должна.

Её слова прозвучали как удар. Она сняла платок, прошла мимо меня и направилась на кухню.

– Не смей так говорить, – бросил я ей в спину.

Она обернулась на мгновение, её голос прозвучал тихо, но твёрдо:

– Почему это тебя вдруг волнует? Раньше не волновало.

Она вышла из комнаты, а я так и не нашел что сказать ей вслед.

Днём, не найдя себе места, я взял телефон и написал Милене:

“Прости, сегодня не могу встретиться.”

Её ответ пришёл быстро:

“Ты в последнее время всегда занят. Может, тебе вообще не стоит больше думать обо мне?”

Я устало выдохнул.

“Милена, сейчас не лучшее время.”

Она сразу ответила:

“Когда для меня будет лучшее время, Адам?”

Эти слова только усилили раздражение. Я хотел что-то написать, но понял, что просто не могу. Я оставил телефон на столе и ушёл в кабинет.

Позже, когда Марьям снова была на кухне, я подошёл к ней.

– Скажи честно, куда ты ходила сегодня? – спросил я, стараясь звучать спокойно.

Она подняла глаза от посуды, которую мыла, и улыбнулась – спокойно, уверенно, как будто знала что-то, чего не знал я.

– Адам, если ты так хочешь знать, можешь пойти со мной.

– Что это значит? – нахмурился я.

– Это значит, что у меня теперь есть свои дела. И, знаешь, мне не нужно твоё разрешение, чтобы жить своей жизнью, – её голос был тихим, но в нём чувствовалась сила. – Не только у тебя есть свои желания, и планы.

Она оставила меня стоять посреди кухни, чувствуя, что я теряю контроль.

Впервые за много лет я понял: что-то меняется. И это меня пугало.

Марьям

Уже на следующий день Айгуль снова позвонила мне. Мы быстро вошли в привычный ритм разговора, как будто все эти годы общались ежедневно. Её голос звучал уверенно, энергично – я всегда завидовала её жизненной хватке.

– Ну, как успехи? – спросила она, когда я рассказала, что начала больше ходить пешком.
– Пока только хожу, – честно призналась я.

– Это отлично, но пора добавить ещё кое-что, – с энтузиазмом сказала она. – Я знаю одну отличную диетологобогиню. Она работает с женщинами, которые хотят вернуться в форму. У неё своя группа в WhatsApp, куда ты записываешь всё, что ешь за день, и она даёт рекомендации.

– Айгуль, я не знаю... – начала я.

– Марьям, даже не думай! Ты же хочешь изменений, правда? Дай себе шанс.

Её напор был заразителен. Я задумалась. Почему бы и нет?

– Хорошо, дай мне её контакт, – согласилась я.

– Вот это другое дело! Я отправлю тебе номер, напиши ей. И не вздумай отказываться, когда она предложит вступить в группу, – добавила Айгуль с лёгкой улыбкой в голосе.

Вечером, когда дети уже разошлись по комнатам, а Адам сидел со своим ноутбуком, я открыла WhatsApp и написала диетологу, которую рекомендовала Айгуль. Женщина ответила быстро:

“Здравствуйте! Вы готовы начать с завтрашнего дня? Ваша задача – записывать всё, что вы едите, и отчитываться в группе. Мы будем помогать вам корректировать питание и поддерживать вас.”

Я колебалась. Записывать всё, что я ем? Это казалось странным, но в то же время... возможно, это и было нужно.

“Хорошо, я попробую,” – ответила я.

“Прекрасно! Добро пожаловать!”

Утром, когда я занималась своими делами, Алия заглянула на кухню. Она держала в руках своё любимое платье.

– Мам, можешь погладить? Я хочу его надеть.

Я подняла взгляд на дочь. Её лицо было спокойным, уверенным, как будто она даже не сомневалась, что я сделаю то, что она просит.

Но что-то внутри меня сдвинулось.

– Алия, ты уже взрослая, – сказала я тихо, но твёрдо. – Ты можешь погладить своё платье сама.

Она замерла, как будто не поверила своим ушам.

– Что?

– Ты слышала. Ты взрослая девочка. Более того, если ты хочешь, я могу научить тебя гладить и мои вещи, – добавила я с лёгкой улыбкой.

– Мам, ты серьёзно? – её голос стал возмущённым.

– Серьёзно. Я больше не собираюсь всё делать за вас.

Она уставилась на меня, явно не зная, как реагировать.

– Но ты же всегда гладишь...

– Всегда, но это было ошибкой, – перебила я. – Я воспитываю вас самостоятельными. И это начинается с мелочей.

Алия выдохнула, повернулась и ушла, громко хлопнув дверью.

Я знала, что это вызовет недовольство, но внутри я чувствовала лёгкость. Я сделала шаг к тому, чтобы перестать быть служанкой в этом доме.

Вечером я сидела за столом и писала в группу всё, что съела за день:

“Утро: овсянка на воде, немного фруктов. Обед: суп с курицей, салат без масла. Ужин: тушёные овощи. Воду пью, но пока мало.”

Ответ пришёл быстро:

“Отлично, Марьям! Завтра постарайтесь выпить не меньше двух литров воды. И добавьте немного белка на завтрак. Вы молодец!”

Эти простые слова вызвали у меня улыбку. Я почувствовала, что иду в правильном направлении.

Позже вечером Адам, наконец, оторвался от своего ноутбука.

– Ты сегодня мало была на кухне, – заметил он.

– Да, – спокойно ответила я.

– У тебя что-то случилось? – спросил он, прищулив глаза.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

– Нет, Адам. Просто больше не хочу проводить весь день у плиты.

Он смотрел на меня несколько секунд, словно пытаюсь понять, что это значит. Я вернулась к своему телефону, ничего не добавив.

«Пусть привыкает,» – подумала я.

И с этой мыслью я впервые за долгие годы почувствовала себя свободной.

Целый день я крутилась, как обычно, но теперь всё было иначе. Я больше не пыталась успеть всё сразу. Не разрывалась между кухней, стиркой и желаниями каждого члена семьи. Я делала то, что считала важным, а не то, что требовали от меня окружающие.

К вечеру ужин был готов: гуля, овощной салат, чай. Просто и достаточно. Я поставила всё на стол и позвала всех.

Ахмед спустился первым, сел за стол и, как обычно, уткнулся в телефон. Алия пришла за ним, бросив на стол тетрадь. Иса появился последним, со своими наушниками, но хотя бы убрал их, прежде чем сесть.

– Мама, ты мне платье гладить будешь? – спросила Алия, не глядя на меня, и уже набирая себе еду.

Видимо мои вчерашние слова не дошли до нее.

– Нет, – сказала я твёрдо, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Алия подняла на меня глаза.

– Что?

– Ты можешь погладить его сама. Я ведь говорила тебе, ты уже достаточно взрослая для таких дел.

Ахмед оторвался от телефона и удивлённо посмотрел на меня.

– Мам, ты всегда гладишь. Почему сейчас нет?

– Потому что я больше не хочу, – ответила я спокойно, подавая чай.

Алия отодвинула тарелку.

– То есть теперь ты не будешь ничего делать?

Я выдохнула, чтобы не сорваться.

– Я делаю достаточно. Но вы уже взрослые. Каждый из вас может справляться сам.

– Мам, ну ты же знаешь, что у нас у всех учёба, занятия, – вставил Ахмед, словно это могло оправдать их полную безучастность к тому, что происходит дома.

– У меня тоже много дел, Ахмед, – ответила я, глядя на него прямо. – Но я уже устала быть единственной, кто всё делает.

Когда за столом появился Адам, он почувствовал напряжение. Сел, налил себе чай, посмотрел на меня и сказал:

– Что у вас тут?

– Мама говорит, что больше не будет гладить, – бросила Алия с обидой.

– Да? – Адам поднял брови. – И почему это?

– Потому что они уже взрослые, – ответила я спокойно. – И потому что я больше не могу быть всем сразу: хозяйкой, мамой, женой, служанкой.

– Служанкой? – он усмехнулся. – Никто тебя не заставляет.

Я посмотрела на него и почувствовала, как внутри всё переворачивается.

– Никто? Ты серьёзно, Адам? А кто готовит, убирает, стирает, воспитывает? Кто всё делает для этого дома?

Он пожал плечами.

– Ты всегда этим занималась. И раньше не жаловалась.

– Раньше я думала, что так и должно быть, – сказала я тихо. – Но теперь я понимаю, что я тоже человек. У меня есть своя жизнь, и я больше не хочу жить так, как жила.

Молчание за столом было оглушающим. Ахмед перестал листать телефон, Алиа хмуро смотрела на меня, а Иса, который до этого молчал, вдруг сказал:

– Мама права.

Я удивлённо повернулась к нему.

– Мы уже взрослые, – добавил он. – Каждый может делать что-то сам.

– Иса, ты серьёзно? – не поверила своим ушам Алиа.

– Да. Я могу сам стирать свои вещи. И гладить, если нужно, – ответил он, пожав плечами.

Ахмед посмотрел на брата, как на предателя.

– Отлично. Тогда сам и делай.

– Ахмед, – перебила я, не повышая голоса, – если ты не начнёшь делать что-то сам сейчас, тебе будет ещё труднее, когда ты начнёшь жить отдельно.

Он усмехнулся.

– Мам, я и так всё успеваю.

– Успеваешь? – я посмотрела на него с теплотой, но твёрдостью. – А когда ты в последний раз помогал мне?

Он замолчал, уткнувшись в тарелку.

Адам, который всё это время молчал, наконец сказал:

– Марьям, зачем ты это устраиваешь? Они дети. У них свои дела.

– Они не дети, Адам, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Они давно выросли. И я хочу, чтобы они поняли, что дом – это наша общая ответственность.

– Ты действительно думаешь, что это что-то изменит? – спросил он с усмешкой.

– Думаю, что да. Если вы начнёте меня уважать.

Его лицо изменилось. Он хотел что-то сказать, но промолчал.

За столом снова воцарилась тишина, но я чувствовала, что сказала всё, что нужно.

Позже вечером я сидела в спальне и смотрела в окно. Сегодня я впервые за долгое время почувствовала, что мои слова дошли до всех. Возможно, не сразу. Возможно, им понадобится время. Но я больше не буду молчать.

Я услышала шаги. Это был Иса.

– Мам, я собрал свои вещи. Завтра сам постираю, – сказал он, заглянув в комнату.

Я улыбнулась ему.

– Спасибо, сынок.

Иса ушёл, а я осталась, глядя в темноту. Это был только первый шаг. Но он был важным.

Глава 4

Адам

Марьям изменилась. Я замечал это всё чаще. Она стала спокойнее, но это спокойствие раздражало меня. Как будто она больше не зависела от меня, не искала моего одобрения, не боялась моего недовольства.

Эти её утренние прогулки, странная уверенность, разговоры с этой Айгуль, которые она больше не скрывала... Всё это не укладывалось в привычный уклад нашей жизни.

Я начал замечать мелочи: то, как она записывает что-то в телефон, как отказывается от привычных блюд, как, закончив дела, выходит из дома, оставляя меня без объяснений.

“Чем она занимается?” – эта мысль не давала мне покоя.

Однажды утром я решил проследить за ней. Она сказала, что уходит “по делам”, как обычно. Но на этот раз я дождался, пока она выйдет, и через несколько минут последовал за ней.

Она шла быстро, почти торопливо. Я держался на расстоянии, чтобы она не заметила.

Марьям остановилась у парка, сняла платок, вытерла лоб и начала ходить по кругу. Ходила энергично, с таким выражением лица, будто решала важную задачу.

Я не мог понять, что происходит. Это и были её “дела”? Прогулки? Я стоял в стороне, наблюдая, и чувствовал, как внутри закипает раздражение.

Когда она вернулась домой, я был уже там.

– Ты опять ходила? – спросил я, пытаюсь скрыть раздражение.

– Да, – спокойно ответила она, не глядя на меня.

– И что это тебе даёт?

Она остановилась, посмотрела мне в глаза и тихо сказала:

– Свободу, Адам.

– Свободу? – переспросил я, чувствуя, как раздражение накатывает волной. – Ты думаешь, что у тебя не было свободы все эти годы?

– У меня была свобода выполнять твои требования, убирать за вами, готовить, стирать и молчать, когда мне хотелось сказать, что я устала, – она говорила спокойно, но в её голосе звучала усталость. – Теперь я хочу свободу выбирать, что делать для себя.

Её слова задели меня, как будто она обвинила меня в чём-то.

– Я работаю для этой семьи, – начал я, повышая голос. – Ты всегда была довольна.

– Ты так думал, Адам, – перебила она. – Но это не значит, что так и было.

Я не мог отпустить это просто так. После её слов я чувствовал, что должен что-то сделать. Её спокойствие раздражало меня больше всего. Казалось, что я ничего не могу контролировать.

Я пошёл к матери. Она всегда знала, как на неё повлиять.

– Мама, Марьям стала... другой, – начал я, как только зашёл в её комнату.

Она подняла глаза от своего вязания.

– Что ты имеешь в виду?

– Она теперь выходит куда-то без объяснений, говорит, что ей нужна свобода, и вообще ведёт себя странно, – выпалил я, надеясь, что она поддержит меня.

Мать нахмурилась.

– Ты дал ей слишком много воли, Адам. Женщина должна знать своё место. Она, видимо, решила, что может делать всё, что захочет.

– Вот именно! – подхватил я. – Ты поговоришь с ней?

– Конечно, поговорю, – сказала она строго.

Позже я услышал, как мать остановила Марьям в коридоре.

– Марьям, что это я слышу? Ты уходишь из дома, оставляешь всё на детей и мужа? Разве ты забыла, что такое быть хорошей женой?

Я ожидал, что Марьям начнёт оправдываться, как всегда, но она стояла ровно, её лицо оставалось спокойным.

– Мама, я не забываю о своей семье. Но я не могу забыть и о себе, – ответила она.

– О себе? – голос матери стал громче. – Женщина создана для семьи, для мужа и детей. А ты теперь вдруг решила, что твои желания чего-то стоят?!

Марьям стояла перед свекровью, держа себя спокойно, но твёрдо. Её голос звучал уверенно:

– Мама, я много лет жила только ради семьи. Всё, что я делала, было для дома, для мужа, для детей. Но теперь я понимаю, что, если я не начну заботиться о себе, никто этого не сделает.

– Это неправильно, – возразила мама, пристально глядя на неё. – В наше время такого не было. Женщина не думала о себе, она думала о своей семье.

Марьям мягко улыбнулась.

– В ваше время, мама, женщины тоже уставали, но не могли этого сказать. Они не имели права голоса. Но теперь всё по-другому.

– По-другому? – мама всплеснула руками. – Это твоя подруга тебя этому научила? Она сбивает тебя с пути, Марьям.

– Нет, мама, – ответила Марьям спокойно. – Она просто напомнила мне, что я тоже человек.

Эти слова, казалось, повисли в воздухе. Мама молчала, пытаясь найти что ответить. Но Марьям уже повернулась и ушла на кухню, оставив её стоять в растерянности.

Когда я услышал этот разговор, я не мог больше молчать. Я вошёл в кухню, где Марьям мыла овощи для салата.

– Ты вообще понимаешь, что делаешь? – спросил я резко.

Она обернулась ко мне, сохраняя спокойствие.

– Что именно я делаю, Адам?

– Ты разрушаешь нашу семью! – выпалил я.

– Разрушаю? – в её голосе звучала лёгкая ирония. – Нет, Адам. Я просто перестала жить так, как удобно только тебе.

Я не мог сдержаться.

– Ты начала гулять где-то, слушать подругу, изменять свой распорядок... Что дальше? Ты перестанешь готовить?

– Если нужно будет, перестану, – спокойно ответила она, продолжая нарезать овощи.

– Ты меня не слушаешь, – сказал я, чувствуя, как теряю контроль.

Она отложила нож, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ты привык, что я всегда молчу, всегда соглашаюсь. Но это было раньше, Адам. Теперь я думаю о себе.

– А как же семья? – выкрикнул я.

– Семья останется, – тихо сказала она. – Но я больше не позволю себя уничтожать.

Эти слова прозвучали как удар.

Я пытался справиться с этой новой Марьям. На следующий день я начал наблюдать за тем, что она ест.

– Почему ты не ешь хлеб? – спросил я за завтраком.

– Не хочу, – ответила она спокойно.

– Ты что, на диете? – спросил я, усмехнувшись.

– Можно сказать и так, – она отставила тарелку.

– Ты серьёзно? В твоём возрасте это уже ничего не изменит, – бросил я, не скрывая насмешки.

Она посмотрела на меня, улыбнулась.

– Я говорю, что тебе есть?

Я не знал, что ответить. Её уверенность снова вывела меня из равновесия.

Я снова поговорил с матерью.

– Мама, она стала какой-то другой. Ты видела? Она даже с тобой спорит.

– Адам, ты должен быть строже. Женщина должна знать, где её место. Покажи ей, что в доме главный ты.

Но когда я попытался “показать”, всё обернулось иначе.

– Адам, – сказала она однажды вечером, когда я снова начал спрашивать, куда она уходит. – Ты можешь продолжать жить, как жил, но я больше не буду.

Её слова звучали так твёрдо, что я почувствовал, как теряю не только контроль, но и саму Марьям.

Это было обычное утро, ничем не отличающееся от других. Дети уже сидели за столом, ели завтрак и спорили о чём-то своём. Адам, как всегда, молчал, поглощённый своими мыслями.

Я же стояла у окна кухни, смотря на улицу, где начинался новый день. Внутри меня клокотало ощущение, что всё идёт не так, как должно. Это был не гнев, не отчаяние, а тихий, почти болезненный бунт, который набирал силу.

Мне захотелось домой. Не в наш дом с Адамом, а в тот, где я выросла. В село, к родителям. Я не планировала поездку заранее. Обычно я ездила раз в месяц, но теперь всё было иначе.

“Я хочу уехать. Одна. Сейчас.”

Эта мысль показалась странной и даже пугающей. Раньше я всегда брала с собой детей, убеждая их, что это важно. Но последние поездки превратились в сплошное разочарование.

Ахмед, мой старший сын, вырос и отдалился. Он считал себя взрослым и не стеснялся показывать, что ему всё это “неинтересно”. Последний раз он вообще отказался выходить на улицу, проводя всё время в телефоне.

Алия всегда была моим маленьким ангелом. Теперь же она хмурилась, жалуясь на то, что в селе скучно, грязно и вообще некомфортно.

Иса... даже Иса, который раньше бегал за бабушкой, помогал деду, смеялся с прабабушкой, теперь сидел рядом с Ахмедом, жалуясь на жару.

Я вспомнила нашу последнюю поездку, когда дети буквально уснули с телефонами в руках, едва добравшись до родного дома.

После ужина мама сказала мне:

– Марьям, зачем ты их возишь, если им всё это не нужно? Они даже с бабушкой толком не поговорили.

Эти слова резали меня. Мне было больно. Я столько лет старалась поддерживать связь между поколениями, но вдруг осознала, что дети не ценят этого.

В этот день, глядя на своих детей, я поняла: я устала пытаться. Пытаться убедить их, что это важно. Пытаться вдохновить их на то, чего они не хотят.

“Я поеду одна.”

Эта мысль показалась одновременно освобождающей и пугающей. Это был новый вызов самой себе.

За ужином, как обычно, было шумно. Ахмед ел одной рукой, другой листал что-то в телефоне. Алия, недовольно хмурясь, ковыряла вилкой в салате. Иса, самый младший, молча ждал, пока я подам ему чай. Адам сидел напротив, погружённый в свои мысли.

Я долго обдумывала, как сказать о своём решении. Обычно мы обсуждали поездки заранее, планировали их вместе. Но в этот раз всё было иначе.

Я положила салатницу на стол, откашлялась и спокойно сказала:

- В эти выходные я еду к бабушке.
Алия сразу подняла голову.
– Мы едем?
– Нет, я еду одна, – ответила я твёрдо, но спокойно.
Дети переглянулись. Ахмед вернулся к телефону, пожав плечами.
– Ну и ладно. Там всё равно скучно.
– Ахмед! – резко сказала я, чувствуя, как внутри что-то оборвалось. – Мы едем туда к вашим бабушке и дедушке, а не за развлечениями.
– Ну, ты всегда нас туда тащишь, – пробормотал он, не поднимая глаз. – Я что, виноват, что там нечего делать?
Я выдохнула, чтобы не сорваться.
– И именно поэтому я решила, что в этот раз поеду одна.
Алия нахмурилась ещё сильнее.
– Почему? Ты всегда нас брала.
– Потому что в этот раз я хочу отдохнуть, – я твердо посмотрела на неё.
– От нас? – с вызовом спросила она.
Её тон больно резанул, но я сдержалась.
– Алия, – сказала я, стараясь говорить мягко, – вы никогда не хотите участвовать в том, что происходит в селе. Не хотите помогать, не хотите общаться. Последние поездки были тяжёлыми для меня. Поэтому в этот раз я еду одна.
– Но ведь это семья, – бросила Алия. – Мы всегда ездили вместе.
– Ты говоришь о семье, но ты сама ни разу не пообщалась с бабушкой нормально, – заметила я.
Алия вспыхнула, но промолчала.
Я думала, что разговор окончен, но тут заговорил Адам. Его голос был ровным, но я слышала в нём недовольство.
– Ты уезжаешь одна?
– Да, – я встретила его взгляд.
– Ещё месяц не прошёл с последней поездки, – сказал он, нахмурившись. – Ты хочешь оставить всех на три дня?
– Да, хочу, – спокойно повторила я.
– А как же дети? Как же дом? – продолжал он.
– Адам, дети уже достаточно взрослые, чтобы три дня провести без меня, – сказала я твёрдо. – А дом... Вы ведь как-то справляетесь, когда я уезжаю?
– Ты говоришь так, будто тебе всё равно, – бросил он.
Я почувствовала, как внутри поднимается волна эмоций, но я сдержала её.
– Адам, я не нанятый работник, чтобы просить у вас “отгул” на поездку к собственным родителям.
Его лицо стало ещё мрачнее.
– Никто не говорит, что ты работник. Но это странно. Ты всегда брала детей.
– А теперь не беру, – спокойно сказала я. – Потому что это не имеет смысла. Они не хотят туда ехать, и я не хочу их заставлять.
Адам молчал, но я видела, как его это задевает.
Ахмед снова поднял голову от телефона, словно все это время раздумывал обо всем сказанном мной, а не играл в свою игру.
– Мам, ты серьёзно? Ты едешь без нас?
– Серьёзно, – ответила я. – Ахмед, ты сам говоришь, что там скучно. Тебе ведь не интересно.
– Но ты всегда говорила, что это важно, – пробормотал он.

– Да, и я продолжу говорить. Но я не могу заставить вас видеть то, что вы не хотите замечать, – ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Алия снова вмешалась:

– Но ты же сама всегда настаивала.

– Настаивала, пока верила, что это нужно. Но теперь понимаю, что вы сами должны решить, хотите вы этого или нет.

Иса, который всё это время молчал, вдруг тихо сказал:

– Мам, а ты злишься на нас?

Я обернулась к нему, смягчаясь.

– Нет, сынок. Я не злюсь. Просто мне нужно немного времени для себя.

Он кивнул, словно обдумывая мои слова, а затем опустил глаза.

После ужина каждый разошёлся по своим делам. Но я чувствовала, что разговор оставил след.

Позже вечером, когда я собирала вещи, ко мне снова подошёл Иса.

– Мам, – сказал он нерешительно, – ты вернёшься быстро?

– Через три дня, – улыбнулась я.

Он кивнул и ушёл, а я почувствовала странное облегчение.

Эти три дня будут только моими. И я больше не чувствовала за это вины.

Глава 5

Утро началось с лёгкой дрожи в груди. Словно я стояла на пороге чего-то важного, чего-то нового. Моя сумка уже была собрана с вечера, в голове сложился чёткий план: я уезжаю на три дня к родителям. Одна.

Эта мысль всё ещё казалась странной. Сколько я помнила себя, всегда брала с собой детей. Это была моя традиция: раз в месяц отвозить их в село, чтобы они видели моих родителей, общались с бабушками и дедушками, впитывали ту жизнь, которой я сама когда-то жила.

И вот я решила уехать одна. И совершенно не чувствовала себя за это виноватой!

Я направилась в комнату Ахмеда, чтобы попрощаться.

Подойдя к двери, я услышала голоса. Это было странно – дети редко собирались вместе, а уж тем более в комнате Ахмеда. Я замерла, не решаясь войти.

– Вам не кажется странным, что мама едет без нас? – голос Алии звучал озадаченно.

– Почему странным? – отозвался Ахмед. – Это даже хорошо.

– Но она ведь всегда нас брала, – Алиа явно пыталась найти смысл в происходящем.

– И что? – Ахмед говорил спокойно, даже равнодушно. – Она же права. Мы всё равно там ничего не делаем.

На несколько секунд наступила тишина, затем я услышала голос Исы:

– А ты не чувствуешь себя виноватым?

– Виноватым? В чём? – Ахмед был искренне удивлён.

– В том, что мама решила уехать одна, – ответил Иса. – Мы ведь всегда ездили вместе.

– Да ладно тебе, – фыркнула Алиа. – Ну, поедет одна и ладно. Может, ей правда нужно время без нас.

Я почувствовала, как в груди что-то сжалось. Их слова были неожиданными. Они обсуждали меня. Не с раздражением, не с обвинениями, а с каким-то странным пониманием.

Я постучала в дверь и вошла. Дети сразу замолчали и посмотрели на меня.

– Я хотела попрощаться, – сказала я, стараясь говорить ровно.

– Ты уезжаешь? – спросил Ахмед, хотя уже знал ответ.

– Да, через час.

– Одна? – уточнила Алиа, её голос был мягче, чем обычно.

– Да, – ответила я, присев на край кровати.

Иса внимательно смотрел на меня, будто собирался задать какой-то важный вопрос. Наконец, он произнёс:

– Мам, а ты злишься на нас?

Я улыбнулась.

– Нет, Иса. Я не злюсь.

– Тогда почему ты уезжаешь одна? – не унималась Алиа.

Я посмотрела на них, на своих уже таких взрослых детей, которые всё ещё видели во мне только маму, а не человека.

– Потому что я устала, – честно сказала я. – Я вас всех очень люблю, но мне нужно немного времени для себя.

– Ты устала от нас? – нахмурилась Алиа.

– Нет, милая. Я устала от всего. От того, что мне постоянно приходится быть для всех. Иногда мамам тоже нужно отдыхать.

Ахмед кивнул, словно соглашаясь. Иса задумался, а Алиа отвернулась, чтобы скрыть своё смущение.

– Вы справитесь, – добавила я мягко. – Вы уже взрослые.

– Хорошо, мам. Ты права, – кивнул Ахмед. Всем нужен отдых.

Я улыбнулась на его слова чувствуя, как странное тепло разливается в груди Они думали обо мне. Они понимали меня. Пусть не полностью, пусть не до конца, но я знала, что этот разговор – первый шаг.

*** Сумка уже стояла у двери, а я торопливо завязывала платок, оглядываясь на часы. Такси должно было приехать с минуты на минуту. Я даже не надеялась, что кто-то из детей выйдет меня проводить, но всё равно мельком посмотрела в сторону гостиной. Там было тихо – они, наверное, в своих комнатах.

Свежровь с утра показывала свое недовольство которое я за все время брака просто проигнорировала.

Снаружи раздался звук подъезжающей машины, но, вместо ожидаемого такси, я увидела, как во двор въезжает машина Адама. Я замерла в дверях, не сразу понимая, что происходит. Он же уехал на работу, зачем вернулся?

Дверь машины открылась, и Адам вышел, как будто это было самое обычное дело возвращаться домой спустя два часа рабочего дня.

– Ты куда собралась? – спросил он, направляясь ко мне.

– Как куда? – ответила я, растерянно сжимая ручку сумки. – Ты же знаешь, к родителям.

– Тогда давай я отвезу, – спокойно сказал он.

Я заморгала, не веря своим ушам.

– Ты?

– Да. А кто ещё?

Я растерянно посмотрела на него. Последний раз Адам сам отвозил меня к родителям лет пятнадцать назад, когда у нас ещё не было третьего ребёнка, а наши поездки в село были частью чего-то общего. С тех пор всё изменилось.

– Я уже вызвала такси, – сказала я, чтобы не поддаваться его неожиданному порыву.

– Отмени, – отрезал он. – Я сказал, отвезу.

Глава 6

Я не знала, что сказать. Что за игра? Почему вдруг он решил отвезти меня?

Мы ехали молча. Дорога была пустая, как обычно в это время. Машина мягко скользила по асфальту, а я смотрела в окно, пытаюсь привести мысли в порядок.

– Ты почему решила поехать одна? – вдруг спросил Адам, не отрывая взгляда от дороги. Я повернулась к нему, обдумывая, как ответить.

– Просто хочу немного отдохнуть.

– От нас? – его голос звучал спокойно, но я уловила в нём лёгкую насмешку.

– От всего, Адам, – тихо сказала я.

– Ты же всегда брала детей, – заметил он.

– Да, брала, – согласилась я, чувствуя себя каким-то попугаем. Ну сколько можно объяснять одно и то же!? – Потому что считала, что это правильно. Что им нужно знать моих родителей, видеть, как мы жили.

– И что теперь? Ты передумала? – он прищурился, мельком посмотрев на меня.

Я выдохнула, чтобы сдержаться.

– Нет, не передумала. Просто поняла, что они сами должны захотеть. А я устала заставлять.

Он ничего не ответил, но по тому, как он крепче сжал руль, я поняла, что мои слова его задели.

Прошло ещё минут десять. Я уже думала, что он больше ничего не скажет, но вдруг услышала:

– Ты же знаешь, что дети не хотят ехать, потому что там скучно.

– Знаю, – кивнула я, глядя на дорогу. – Но ведь это не оправдание. Скучно – не значит, что можно игнорировать семью.

– А ты? Ты ведь тоже семья, – неожиданно сказал он.

Я повернула голову, пытаюсь понять, что он имеет в виду. Но он смотрел прямо перед собой, будто случайно проговорился.

– Да, я семья, Адам, – тихо ответила я. – Но, похоже, об этом все забыли.

Он ничего не ответил.

Когда мы выехали за город, я почувствовала, как привычный шум города отступает, и внутри становится легче. Эти дороги я знала с детства: деревья, которые мелькали за окнами, поля, уходящие в горизонт.

– Ты раньше часто меня отвозил, – вдруг сказала я, глядя на него.

– Это было давно, – бросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Да, давно, – кивнула я. – И я тогда не успела сказать, что мне это нравилось.

Он чуть замедлил машину, мельком взглянув на меня.

– Нравилось?

– Да, – ответила я. – Ты тогда был другим.

– И ты была другой, – тихо сказал он.

Эти слова почему-то ранили меня. Я отвернулась к окну, чувствуя, как в груди поднимается горечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.